

Рисунок Ю. Макарова

БЕШЕНЫЕ ДИВИДЕНДЫ

Фантастический рассказ

Я заведовал почтовым отделением в небольшом провинциальном городке близ Сан-Франциско. Как у всякого уважающего себя американца, у меня тоже есть свое хобби. Я коллекционер. И в моей коллекции хранится золотая медаль, которую я берегу, гордясь ею. Еще бы! Я

живу в крае, который когда-то обуревала золотая лихорадка. А потому в честь столетия присоединения Калифорнии к США и выбита эта медаль с изображением медведя, символа нашего штата, — на одной стороне и группы старателей — на другой.

Золото в наших краях истощилось, однако не в сейфах. И разжигает лихорадку ничуть не меньшую той, что бушевала в прошлом веке. Но куда более опасную.

Я не выдам государственного секрета, если сообщу, что у нас в Калифорнии сосредоточены предприятия военных монополий. А заказы, получаемые от Пентагона военными корпорациями, особенно выгодны, принося прибыль на каждые сто долларов еще сто долларов и даже больше.

В свое время я сам был замешан в получении подобных дивидендов.

Вы, вижу, удивлены?

Напрасно! Да я, как и многие американцы, был держателем акций военных заводов. В частности, одного из них, расположенного на окраине нашего городка. Сумма в одну тысячу долларов пусть

небольшая, но она обещала вырасти и обеспечить мою старость заметной прибавкой к пенсии.

Однако все получилось по-иному.

Преступность в Америке, сами знаете, весьма развита. И вот однажды в моем почтовом отделении похитили ценные посылки. Я нанял частного детектива и при участии местного шерифа (есть в нашем захолустье такая старинная должность) умудрился найти похитителей.

Я немного опасался возможного отмщения, но все сошло. Воры угодили в тюрьму, а посылки возвратились в мою контору.

Я дружил с начальником железнодорожной станции господином Отто Кригером, полным и благодушным американцем немецкого происхождения. Поэтому несколько не удивился его внезапному появлению у меня на почте. Он заглядывал сюда часто. Но на этот раз весь растерянный вид его говорил о необычности прихода.

— Джим, едва отдышавшись от быстрой ходьбы, обратился он, — вы должны помочь мне, поскольку проявили чертовский нюх, вычислив парней, укравших посылки. У меня на станции — о, майн готт! — произошло нечто подобное...

— Что же случилось, дружище? — поинтересовался я.

— Загадочная пропажа, Джим!

— Исчезло место?

— Нет, Джим, много хуже! Место в наличии, а главного-то и нет!

— Как это понять? — удивился я.

Как не хотелось моему приятелю давать волю языку, но без сообщения подробностей происшествия я был ему бесполезен.

Он рассказал, что на станцию регулярно прибывают свинцовые контейнеры, напоминающие громоздкие денежные сейфы. Только хранятся в них не доллары, а нечто другое.

Я весь превратился в слух.

— Понимаете, Джим, на заводе эти свинцовые контейнеры вскрывают на расстоянии специальными манипуляторами,

заменяющими человеческие руки, чтобы убереечь людей. Догадываетесь от чего? — И он тяжело вздохнул.

Я покраснел, потому что мои акции на тысячу долларов имели отношение к нашему пригородному предприятию.

— Ну и что же? — с нетерпением спросил я.

— Один свинцовый контейнер, будь он проклят, оказался пустым. В нем не было ампулы.

— А вы тут при чем? Вы переправляете контейнеры, а не ампулы.

— Если бы так! — снова вздохнул Отто. — По документам она значится в контейнере. Нашей железнодорожной компании предъявят иск. И тогда... сами понимаете!

— Контейнер поврежден?

— Да, на нем обнаружены следы взлома. Свинец — мягкий металл...

— Контейнер могли повредить где угодно.

— В том-то и дело, что представители завода грозятся доказать мою вину.

— Так пусть приезжают в пакгауз и поищут следы ампулы с помощью приборов. Есть у них там специальные счетчики.

— Я так и думал, что вы подскажите, как мне быть! Они там, на заводе, делают всякую чертовщину, а я отвечай!

Отто Кригер тут же воспользовался моим служебным телефоном, вызвал с завода специалистов и сразу же пошел на станцию.

А через полчаса он уже позвонил мне:

— Джим, выручайте! Тут приехали, и у них прибор воеет, как пылесос. И это будто бы потому, что преступник ломал контейнер в моем пакгаузе. Железнодорожная компания, говорят они, должна отвечать. Я же в первую очередь... Приходите, прошу вас...

Я запер свое почтовое отделение на замок и помчался выручать Отто Кригера.

В пакгаузе я застал двух инженеров завода. В руках элегантного .усатого молодого человека с галстуком-бабочкой был прибор. Другой, постарше, с обрюзгшей физиономией, стоял рядом.

Он-то и настаивал покончить с этим делом, поскольку в пакгаузе контейнеры брали краном, а на месте одного из них счетчик обнаружил остаточную радиоактивность.

Но я, желая выручить Отто, запротестовал, настаивая, чтобы инженеры попытались обнаружить с помощью их аппарата «грязный радиоактивный след», оставленный похитителем. Толстяк ворчал, отказываясь принимать в этом участие, так как за это ему не платят. Бубнил, что прошло несколько часов, что счетчик может не обнаружить наведенную радиоактивность. Однако молодой инженер, обращаясь к коллеге, закатил длинную речь, сплошь набитую терминами, из которой я понял лишь одно: похищенное вещество получено пентагоновскими учеными совсем недавно и является настолько активным, что пройти по его следу не составит труда.

Недолго мешкая, я вызвал по телефону знакомого частного детектива.

Мистер Дэвидсон не замедлил явиться на мой зов. Он вошел, долговязый и надменный, глубокомысленно осмотрев собравшихся в пакгаузе.

— Почему он без собаки? — спросил мой наивный Отто.

— Эх, простота! — снисходительно заметил сыщик. — У вас есть нечто лучше любого пса. — И он похлопал по плечу молодого инженера.

— Надеюсь, вы не меня имели в виду? — с обидой в голосе отозвался тот.

— Я имел в виду ваше искусство обращаться с игрушкой, которую вы держите.

— А мне кто заплатит? — не унимался старый брюзга.

— Железнодорожная компания, сэр, по таксе за пропавший груз. Разумеется, если похититель будет найден, — заверил Отто.

— Тогда другое дело, — нехотя согласился толстяк.

По моему совету инженеры стали искать «грязный след». Аппарат довольно быстро нашел его. Наведенная радиоактивность оказалась

куда более заметней по сравнению с запахом, который чуют только псы.

Мы шли гуськом по этому гнусному следу. Счетчик вывел нас к ограде, через которую вор, видимо, перемахнул без труда.

Я был слишком стар, чтобы следовать его примеру.

Поджарый мистер Дэвидсон и молодой инженер перелезли через забор, а я, Отто и тучный ворчун обошли ограду, обогнув вокзал.

Сыщик и инженер с радиометром поджидали нас. Счетчик потихоньку пощелкивал. Идти по невидимому петляющему следу было даже увлекательно. Похититель оставил след и на асфальте, и на траве, сколько ни старался вилять. Если мы сбивались с верного пути, щелчки в приборе замедлялись или совсем исчезали. Тогда инженер отступал, пока звук снова не появлялся. Так мы дошли до трамвайной остановки. Здесь «грязная дорожка» кончилась.

Брюзга заворчал, требуя вернуться и немедленно составить обвиняющий железнодорожную компанию акт.

— Что вы, сэр! Неужели вы не хотите получить награду. Давайте подождем трамвая. О'кэй? — предложил детектив.

Толстяк нехотя согласился, поскольку молодой инженер его не поддержал и, очевидно, сам азартно увлекся поиском следа.

Трамвай особенно долго не приходит, когда его ждешь! Об этом нудно заявил жаждущий поскорее закончить дело инженер. Остальные были непоколебимы.

Но, прежде чем трамвай с грохотом подкатил к нам, счетчик застрекотал, словно прикоснулись палкой к вращающейся шестеренке.

— Вот это да! — воскликнул молодой инженер. — Трамвай радиоактивен!

— Значит, на нем нельзя ехать? — опасливо спросил Отто.

— Это дело пассажиров и трамвайной компании, а не наше, — пробурчал толстый инженер. — Мы, естественно, сообщим куда следует.

— Может быть, посоветовать всем выйти? — робко предложил я.

— Нас просто высмеют, уверяю вас! — запротестовал детектив. — Ведь пассажиры заплатили за проезд!

Словом, трамвай ушел, а мы двинулись следом.

Так прошли по рельсам несколько остановок. Вдруг счетчик застрекотал, как телетайп.

— Приехали, — заявил мистер Дэвидсон. — Давайте искать, куда он направился.

Счетчик оказался удивительно чуткой ищейкой, хотя не имел ни ошейника, ни поводка.

Похититель, очевидно, посчитал себя здесь в безопасности и уже не вилял, как у вокзала, а шел прямой дорогой к дому, который оказался в пяти минутах ходьбы от трамвайной остановки.

Мы вошли в подъезд. Треск усилился. Должно быть, здесь похититель задержался, докуривая сигарету. Мистер Дэвидсон нашел окурки и спрятал его в бумажник.

— У него дети в квартире или жена не терпит табачного дыма, — уверенно заявил сыщик.

— Кто бы там ни был, но дальше идти опасно, — завел свою песню толстяк. — Да и полицию надо предупредить.

К его брюзжанию присоединился и франтоватый инженер, который был неробкого десятка.

Детектив тоже согласился со специалистами; в дом мы не пошли, а мистер Дэвидсон и молодой инженер взяли такси и поехали на завод за защитными костюмами.

Они вернулись примерно через час в полицейской машине с мигающим фонарем на крыше.

Тут же на месте, к величайшему удивлению прохожих, мы облачились в неуклюжие костюмы. Надев их, мы вполне могли вообразить себя на Луне, как заметил наш усталый щеголь. Теперь мы не узнавали друг друга. Только шериф, выделявшийся завидным ростом, был заметен. Прежде он был мясником. Он пожелал непременно перецепить свою шерифскую звезду на защитный костюм.

«Космическое» одеяние пригибало меня к земле, по которой, надо заметить, я и в обыкновенном костюме хожу не слишком проворно.

Подъем на четвертый этаж не только для меня, но и для Отто и старого инженера был сущим мучением.

Инженер с аппаратом остановился перед дверью. Шериф резко позвонил, а потом стал пинать дверь ногой.

Дверь открыла перепуганная изможденная женщина с девочкой лет шести на руках.

О, я понимаю, было чего испугаться! Шесть человек, выряженные, как на маскараде, вошли в квартиру.

— Сюда! — Шериф, отстранив рукой хозяйку, пропустил вперед инженера с аппаратом.

Аппарат заставил нас повернуть направо и мимо туалетной комнаты привел на кухню.

Инженер водил счетчиком, словно обнюхивая всю убогую обстановку, наконец указал на полку.

— Боже! Что вы ищете? Это же сахарница! — изумилась бедная женщина.

Мистер Дэвидсон с завидной отвагой движением фокусника снял с полки сахарницу. Счетчик залился соловьем, словно сопровождал цирковому аттракциону.

В сахарнице лежала ампула. Инженер с помощью каминных щипцов извлек ее.

— Где ваш муж, мэм? — грозно спросил шериф.

— Он болен, сэр. Как пришел утром, так и не встает с кровати.

— Так. А когда совершена кража в пакгаузе? — обратился он к Отто.

— Как раз с того времени он в постели, сэр, — опередил ответ железнодорожника Дэвидсон.

— Как вы смеете? — возмутилась женщина. — Заболеть человеку не дают! Выряжаются бог знает как, врываются в частную квартиру! Я буду жаловаться...

— Жаловаться будете врачам, — грубо оборвал ее шериф, поглаживая свою звезду на скафандре, — ведите нас к мужу. Кто он такой?

— Смит, каких много. Копал землю, таскал тяжести. Сейчас без работы. И даже пособия по безработице уже не получает. Срок вышел. А у нас дети. Он болен, не может встать.

— Поднимем.

— Да покарает вас бог за такие слова!

— Карать будет не меня, мэм. Давайте сюда своего мужа! Стаскивайте с постели, не то мои молодцы сделают это без вашей помощи!

— Я здесь. Я сам встал, — слышался слабый голос из коридора. В двери показался человек со впалыми глазами на бледном лице.

— Мне нужно от вас полное признание. Чистосердечное. Где вы взяли эту штуку? — И шериф показал на лежащую рядом с сахарницей вынутую из нее ампулу.

— Я нашел ее, сэр. Кто-то обронил. Если бы я знал, что она представляет ценность, то непременно отнес бы в полицию.

— Так. Кто-нибудь бывал у вас в квартире после хищения ампулы?

— Шериф? Это вы? Я не узнал вас в этом костюме. Ко мне заходили приятели посмотреть находку.

— Да? А где ты ее нашел? В пакгаузе?

— Может быть, сэр. Я случайно забрел туда... в поисках работенки. Помочь там... или что.

— Так что же, она валялась под ногами? Отвечай и не виляй!

— Под ногами, сэр.

— Она валялась внутри свинцового контейнера!

— Ящики были рядом, сэр. Это точно.

— Так. Ну и зачем ты показывал ампулу приятелям?

— Они сказали мне, что в ней дорогое лекарство, сэр. А у моей жены рак. Видите, как она выглядит. Двое детей. Работы нет, а лечиться надо.

— Теперь и тебе самому надо будет лечиться. Собирайся в тюрьму!

— За что, сэр? Я же нашел эту дрянь!

— Нашел, нашел, не спорю. Внутри свинцового контейнера, который ломом вскрывал. Где он, твой лом? Куда ты его забросил?

— Мы найдем его, господин шериф, — заверил частный» детектив так рьяно, словно радиометр был его собственностью.

— Что ж, давайте наручники!

— Не нужно, сэр. Право, не нужно, — вежливо попросил инженер со счетчиком.

— Как так не нужно? А закон?

— Он прав, господин шериф. Парень этот долго не протянет, — заметил мистер Дэвидсон.

Отто толкнул меня локтем в бок:

— Вы понимаете, что будет с беднягой, Джим?

Я мрачно кивнул.

Инженеры отвели шерифа в сторону, что-то горячо объясняли ему.

— Ладно! — громогласно возвестил шериф. — Надо найти его приятелей, что рассматривали ампулу. Всех — сразу в госпиталь! А тебя, — он ткнул пальцем беднягу-вора, — оставляем здесь. Но выходить из квартиры не позволим. Пока не вынесут!

— Что вы такое говорите, сэр? — вмешалась женщина.

— То, что мне разъяснили господа инженеры, а они свое дело знают... Ваш муж украл в пакгаузе такую штуку, которая, считайте, уже отправила его к праотцам! Пусть передаст им привет от местной власти!

— Это же лечебное средство, сэр! — подал голос похититель.

— Лечебное, — усмехнулся шериф, — против такой болезни, как твоя неудачная жизнь, негодяй.

— Я умру? — побледнел Смит. — А моя семья?

— И семья тоже.

— Сэр! — запротестовала несчастная женщина. — А как же дети? Вы не имеете права так шутить! — и она заплакала.

Мы ушли.

Так и брели в «марсианских костюмах» по городу, распугивая прохожих, готовых поверить, что красные уже напали на бедную Америку, спрашивали нас, где же им прятаться.

Полисмен в скафандре остался сторожить дом, другие отправились по адресам — забирать неудачников — приятелей Смита.

— В первый раз случается такое! — доверительно говорил нам шериф, снимая защитный костюм на скамейке какого-то сквера. — Преступник, выходит, сам себе вынес приговор и привел его в исполнение!

Мы с отвращением сбросили дьявольское одеяние и, не прощаясь, оставили инженеров одних.

Через два дня Отто снова позвонил ко мне на почту. Сказал, что все так или иначе попавшие под облучение, когда бедняга Смит нес похищенную ампулу, или погибли, или тяжело заболели. Железнодорожная компания убытков не понесла. Ампула использована по назначению.

Я пока жив, но теперь уже не так здоров, как прежде. После этого случая я тотчас распорядился, к удивлению своего поверенного, продать по любой цене все свои акции. Но он продал их по биржевому курсу, профессиональная этика не позволила взять номинал.

Мне пришлось выйти на пенсию. Но и она оказалась урезанной в связи с увеличением федеральных расходов на оборону, то есть на гонку вооружений, приносящую держателям акций, одним из которых я так недавно был, бешеные дивиденды.

Получив тяжелый жизненный урок, я вспоминаю теперь автомобильные испытания, которые раньше обожал за лихость драйверов, несущихся в автомобиле на толпу зрителей, чтобы затормозить прямо перед ними за ярд до катастрофы.

И безумный драйвер, мчащийся в американском автомобиле на трибуны зрителей, представляется мне теперь нашим президентом,

сидящим в каре, мощность двигателей которого измеряется не лошадиными силами, а всеми ядерными мегатоннами Америки. А за легким барьером, который можно сдуть как соломинку, находится все человечество.

Вот я и думаю теперь, хватит ли у этого драйвера ума, чтобы затормозить в последнюю секунду.

Поэтому я поехал в Нью-Йорк, чтобы участвовать в антиядерном митинге.

Там протестовал миллион человек!

Я был одним из них. Я значу мало. Но миллион таких, как я, — большая сила!